

ЭРМИТАЖ НАУКИ

Рассказ о Доме занимательной науки, который до войны существовал в Ленинграде, которого сейчас нет, но который должен быть, и не только в Ленинграде.

Говорят, популярностью этот Дом соперничал с Эрмитажем. Скорее всего, так оно и было: в 1941 году – последнем в истории Дома занимательной науки – коллективные заявки на его посещение поступали на два года вперёд. И в этом, наверное, нет ничего удивительного. Дом занимательной науки приоткрыл перед любопытным человеком панораму научной мысли, полную неожиданностей и обаяния. Она была овеществлена не только в его экспонатах и внутренней архитектуре, но даже в многочисленных незатейливых мелочах, которые создавали особую атмосферу Дома – атмосферу выдумки, остроумия и редкой, присущей только талантливым произведениям лёгкости.

Вот вы во дворе бывшего Шереметьевского особняка, где был расположен Дом занимательной науки, идёте по ровной светлой дорожке и вдруг слышите:

- Сейчас мы ступаем по меридиану Дома занимательной науки.

У посетителей удивлённо поднимаются брови. Многие из нас и сегодня представляют земной шар закованным в сетку параллелей и меридианов.

- Меридиан можно провести через любую точку земной поверхности, - отвечает экскурсовод на ваши безмолвные вопросы и как бы, между прочим, добавляет:

- Каждый милиционер стоит на своём меридиане.

Обычно последний каламбур посетители слышали от Льва Васильевича Успенского – и поныне здравствующего, полного сил и энергии. Именно Успенский чаще всего разыгрывал некоторых именитых гостей, которые с иронией взирали и на экспонаты, и на экскурсоводов.

Но «ироничных» было мало. Большинство учёных принимали Дом с восторгом, довольно часто заходили «на огонёк». Это были академики А.Ф. Иоффе, А.Е. Ферсман, С.И. Вавилов, тогда ещё молодой В.А. Амбарцумян, почётный

академик, шлиссельбуржец Н.А. Морозов – единственный в истории ДЗН, кто, пройдя по Дому, ни разу не сел «в лужу», что было, несомненно, достижением. «В лужу» садились даже самые достойные. И не потому, что мало знали. Просто, овладев вершинами, люди часто забывали азы. А особенно в соседних, не своих науках. Этим-то и пользовались хозяева ДЗН. Они подводили посетителей, например, к глобусу со слегка наклонённой осью и говорили: его ось параллельна земной. Особо пронзительные начинали понимающе улыбаться. Таким напоминали, что, хотя в пространстве нет верха и низа, земная ось всегда ориентирована на Полярную звезду.

Гостем ДЗН был и известный иллюзионист Кио, которому здесь придумали и оформили до сих пор не состарившийся номер «сожжение женщины», и многие, многие другие. Приходили и становились друзьями ДЗН. Да иначе и быть не могло. Этот Дом, где даже книга отзывов была не простая: когда вы садились за стол, она сама открывалась на той странице, где была сделана последняя запись; где в буфете кипящий чай снимали со льда, а ложечка в стакане чая растворялась раньше, чем кусок сахара, - не мог оставить равнодушным даже самого взыскательного посетителя.

С главным художником Дома занимательной науки Александром Яковлевичем Малковым мы встретились утром у особняка. В фойе толпился народ – посетители Арктического и антарктического НИИ. Александр Яковлевич давно здесь не был, внимательно смотрел по сторонам, а на втором этаже, в небольшом зале с бронзовой люстрой, громко говорит:

- Это зал географии!

Люди за столами отрывают глаза от бумаг и удивлённо глядят в нашу сторону. Мы садимся за пустой стол и начинаем мысленное путешествие по залам Дома занимательной науки.

Конечно, пересказать всё, что я услышал, невозможно. Поэтому я воспользуюсь тем методом, который во время экскурсий применялся в ДЗН. Когда посетители входили в очередной зал, гас свет, из темноты выхватывались самые характерные экспонаты павильона и звучал голос экскурсовода. Это создавало соответствующее настроение, и, что самое главное, усвоение шло по самой естественной логической схеме.

Когда вы входили, например, в зал географии, то первым делом видели глобус, который висел на том месте, где сейчас люстра. Он освещался так, что было видно, где день, где ночь, а где вечер. Потом вы обращали внимание на стены, и для вас сразу становилась ясна география света и тени на земном шаре – они

были оформлены сюжетами, рассказывающими о том, что происходит в отдельных уголках земли, когда в Ленинграде, например, полдень.

- Мы старались не поучать гостей, - замечает Малков. – Делали всё так, чтобы оставалось место для сюрприза, импровизации.

Каждый экспонат был произведением искусства, сделанным по самым высоким требованиям. Вот вы, читатель, в комнате геологии, в основе которой лежал принцип синемаатографа (34-й год!), садитесь на вращающиеся стулья от пианино. Сменные диорамы появляются в нишах трёх стен: кипит, бурлит огненная лава, с которой срываются языки пламени, потом она начинает охлаждаться, вот посетитель уже видит, как возникает Нева, и, наконец, парад в Петербурге, который принимает Пётр I. Обычно лекции здесь заканчивались аплодисментами.

И не только в зале геологии, но и физики, астрономии, географии, оптики. Последний был особенно любим посетителями. Представьте себе, что вы смотрите с балкона (конечно, искусственного, устроенного в нише алькова графини Шереметьевой) и видите Дворцовую площадь (конечно, нарисованную на вогнутой стене ниши). Это в красном свете. Вдруг включается синий, и всё меняется, как по мановению волшебной палочки: вода в графине, цветы и сама площадь, принявшая дореволюционный облик. Или два портрета, мужской и женский, висящие на стене недалеко друг от друга. При смене освещения они меняются местами. Всё это затевалось ради одного – рассказать о законах поглощения света, но было сделано так, что врезалось в память на всю жизнь.

Казалось бы, что удивительного в доске Гальтона, напоминающей слегка наклонённый бильярд? И, тем не менее, около неё часами простаивали и мальчишки и седовласые мужи. Вы берёте горсть пшена и сыплете в желоб, установленный посредине доски, в полной уверенности, что у барьера пшено рассыплется беспорядочно. Но тысячи пшённых крупинок точно заполняют нарисованную перед барьером кривую, напоминающую контур горы: по краям крупинок мало, в середине - много. Вам объясняют, что иначе и быть не может, и рассказывают о статистическом законе нормального распределения Гаусса, по которому все случайные события распределяются соответственно своим вероятностям.

Опыт говорит, что даже талантливому человеку нужно немного везения. То же самое относится, наверное, и к делу, даже очень хорошему. Дому занимательной науки повезло, прежде всего, потому, что его возглавляли Пе-

рельман и Камский. Если первого можно было назвать мозгом ДЗН, то второй был его душой, его сердцем. На этом сходятся все, кто знал обоих.

К славе Перельмана те несколько слов, которые я собираюсь сказать, наверное, не прибавят многого. Уже достаточно сделали его книги. И всё-таки я скажу их хотя бы потому, что даже напомнить об этом интересно. Ведь ещё в 1913 году среди больших учёных нашлись те, кто увидел в перельмановской «Занимательной физике» не просто забаву, а большое и важное дело. Таким человеком был Орест Данилович Хвольсон – профессор физики, почётный академик. Хвольсон первым написал восторженную рецензию на книгу Перельмана о физике. Благодаря ей книга разошлась стремительно, и знаменитый Сойкин, который ради забавы решил её издать, сразу же заключил с Перельманом договор на новую.

...К тому времени, когда Перельман принял приглашение Камского участвовать в организации ДЗН, его слава была уже велика. Однажды Перельмана пригласили даже экспертом в суд на слушание дела о том, как машинист Микрюков сбил корову. Перельман в своей краткой речи сказал: судить нужно не Микрюкова, а второй закон Ньютона. Дело в том, что поезд был нагружен неравномерно, и никакие тормоза не смогли бы остановить его на нужном расстоянии. (Кстати, кажется, начиная с этого случая, на железной дороге были введены обязательные правила загрузки товарных поездов). Объяснения Перельмана были так убедительны, что Микрюкова оправдали.

Талантом Перельмана была насыщена каждая клеточка Дома занимательной науки. Но он, наверное, не расцвёл бы таким щедрым цветом, не завоевал бы столько любознательных умов, если бы не Камский – директор Дома занимательной науки.

Он человек менее известный, чем Перельман, но, пожалуй, не менее оригинальный и яркий и столь же жадный до всяких редкостей. Однажды ему рассказали, что на окраине Ленинграда живёт кудесник, у которого есть говорящая ворона и деревянные часы. Искать этого старика, Камского уже не надо было уговаривать. Он поехал сразу. Оказалось, что ворона обыкновенная. Но часы всё-таки были деревянные. Так в ДЗН попадали многие редкости. Но Камский не столько собирателем редких вещей, сколько самым искусным и тактичным собирателем редких людей. В ДЗН, по свидетельству многих, случайных людей не было. Каждый сверкал своей редкой гранью.

Армейский пропагандист, учёный, философ, на лекции которого по истмату и диамату студенты ходили так же, как на лекции знаменитостей; самый тонкий «дегустатор» новых экспонатов (чутьё у Камского было потрясающим, рассказывает Малков. Он сразу видел экспонат глазами посетителя, и если говорил: «Нет, не пойдёт», то действительно не шло). Директор ДЗН был в то же время талантливым финансистом и редким организатором.

Дом занимательной науки называют Домом, но я бы назвал его комбинатом, фирмой, очень конкурентоспособной. При Доме были свои мастерские: столярная, слесарная, муляжная, переплётная и цех художников. Мало того – Дом занимательной науки выпускал маленького формата, дешёвые книжечки по самым разным вопросам занимательной науки. Они печатались в соседних типографиях на обрезках бумаги, имели очень неприглядный вид, но расходились, несмотря на колоссальные по тому времени тиражи (50-100 тысяч экземпляров), почти мгновенно. Перед войной ДЗН имел несколько киосков, продававших только его продукцию. И всегда около них толпились ребята.

Любопытно отметить, что Дом находился на хозрасчёте.

Уже перед отъездом я увидел фотографию Камского. Человек в ушанке и шинели с автоматом наперевес, и смеющиеся, очень живые глаза. На обороте была подпись: «10.11.42г. Ленинградский фронт». В 1942 году Камский погиб.

Ну, вот и всё, что я смог рассказать о Доме занимательной науки, который существовал в Ленинграде, в бывшем Шереметьевском особняке по адресу: Фонтанка, 34 с 1934 по 1941 год. На этом можно было бы поставить точку, если бы... если бы этот Дом был. Но его всё ещё нет. И не только в Ленинграде – ни в одном городе нашей страны. И в то же время такие Дома есть в других странах. Например, детская научная лаборатория в Сиэтле, которую благословил ещё Эйнштейн. Она построена с целью вызвать удивление миром науки. Как знакомо. Всё это было у нас уже тридцать лет назад.

Народная пословица гласит: капля камень точит. Наверное, это так. Многочисленные усилия энтузиастов науки Ленинграда, можно сказать, не пропали даром. «Дом занимательной науки и техники» упоминает в своей статье, посвящённой перспективному плану застройки Ленинграда, главный архитектор Ленинграда В.А. Каменский. Казалось бы, всё в порядке. Но... ощущение победы исчезает при взгляде на карту Ленинграда. Оказывается, западной части Васильевского острова, где предпола-

ется разместить «Дом занимательной науки и техники», ещё нет. На карте в этом месте вода. Получается, что Дом – пока только символ, который за истечением времени (землю-то, оказывается, только намывают) может стереться, исчезнуть. А этого быть не должно. Дом занимательной науки нужен не завтра, а сегодня и, наверное, не на окраине города, а ближе к центру. Хотелось, чтобы люди его могли посещать так же легко и просто, как Эрмитаж или Русский музей.

Но это не всё. Вызывает беспокойство и другое. Не превратится ли «Дом занимательной науки и техники» в очередную выставку технических новинок? Или в разновидность политехнического музея, или обычную детскую техническую станцию. Это – самое печальное, что может произойти. В таком доме, который, как считает художник Малков, требует своей архитектуры и внутренней логики так же, как театр или концертный зал, должна царить атмосфера творчества, выдумки и удивления наукой.

Сегодня это возможно ещё в большей степени, чем раньше. Живы люди, которые делали ленинградский ДЗН. Они с радостью передадут свой опыт. Кроме того, у нас в стране много других искренних, талантливых пропагандистов науки. Мы читаем их книги, смотрим картины. Так что не хватает только серьёзного, делового отношения к этой проблеме (в первую очередь это относится к Всесоюзному обществу «Знание») и денег. Их жалеть не стоит. Дело это прибыльное, быстро окупается, и не только экономически... Никто не знает, сколько талантливых мальчишек привёл в науку ДЗН – тот, что был в Ленинграде 30 лет назад...

В. Ковалёв,
спец. корр. «Недели».

Ленинград.